

Valentin Yu. Gusev

Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Etymological Notes on the Ethnonymy of the Lower Yenisei

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 2, pp. 59–74

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018

Language of the article: Russian

Гусев Валентин Юрьевич

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Этимологические заметки по этнонимии Нижнего Енисея

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 59–74

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ЭТНОНИМИИ НИЖНЕГО ЕНИСЕЯ

В статье обсуждается этимология ряда этнонимов и родовых имен народов Таймыра и Нижнего Енисея. Для этнонима *юраки*, который сегодня используется как название и самоназвание восточных (таймырских) ненцев, а до XVII в. обозначал отдельную самодийскую этноязыковую группу, предполагается в качестве источника праветская форма множественного числа **d'ar'ey* с таким же значением, прошедшая через селькупское посредство и связанная в конечном счете с тем же эвенкийским корнем *d'uk-*, который обозначает югов. Кроме того, в статье дается краткий обзор известных сведений по истории юраков как отдельного народа. Также делается предположение об аналогичном (из кетского через селькупский) происхождении таких этнонимов и гидронимов, как *земшаки*, *имбаки*, р. *Имбак*. Предлагается объяснение кетского (в записях Г. Ф. Миллера) этнонима *Dy'ingden* 'тазовские самоеды' как «люди озер (= тундры)» или «люди моря». Нганасанское родовое имя *Нгамтусу'о* предлагается связывать с ненецким родовым именем *Нямдаси / Немдазины* «безрогие», что находит подтверждение в предании о приходе предков Нгамтусу'о с Таза. Значение 'безрогий' предполагается объяснять по аналогии с другими родовыми именами этого региона — как «не имеющий султана на капюшоне». Нганасанское и энецкое слова *aśa*, *ośa*, обозначающие долган, вероятно, восходят к упоминанию в русских источниках эвенкийского рода *Осеев*. Наконец, предлагается уточнение известной этимологии этнонима *тунгусы*. В его первой части можно видеть кетский корень со значением 'камень', характеризующий тунгусов (эвенков) как жителей правого (высокого, гористого) берега Енисея.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Нижний Енисей, Таймыр, самодийские языки, эвенкийский язык, кетский язык, этнонимия, этимология.

1. Юраки

В принятой до недавнего времени терминологии *юраками*, *юрако-самоедами* именовались ненцы в противопоставлении другим самодийским народам: «енисейским самоедам» — энцам, «тавгийским самоедам» — нганасанам и «остяко-самоедам» — селькупам. Этот же термин используют в качестве самоназвания самые восточные, таймырские ненцы, отличая себя от более западных [Амелина, 2020, 25], и так называют своих западных соседей энцы (*d'urako*) и нганасаны (*d'üriakə*). Однако в своем первоначальном употреблении этноним *юраки* относился к группе самодийцев, живших к началу XVII в. в районе рек Пур и Таз. «Пуровская юрацкая самоедь рода Сойта» и «неясачные люди самоедь юраки» упоминаются в архивных документах 1637 и 1638 гг. [Долгих, 1970, 159]. Вероятно, самой западной точкой упоминания юраков был Надым, где в 1636 г. «“юрацкая самоедь Тынютова роду Юхи” в районе Надымской губы “побила” гонцов, ехавших из Мангазеи в Обдорск» [Долгих, 1960, 71] (см. [Там же, 69–75] другие упоминания юраков в архивных документах).

Согласно «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова 1701 г. [Ремезов, 1701], «немирная самоедь юрацкая» занимает всю территорию с обеих сторон от Тазовской губы, от Обской губы на западе и до Енисея на востоке (карта «Чертеж земли Туруханского города»); при этом на карте «Березовского города» западнее Пура показана уже просто «самоедь», без определения *юрацкая*. Не используется слово *юрацкая* и на другом берегу Енисея на карте «Чертеж земли Туруханского берега», где отмечена «авамская ясашная самоедь». Таким образом, юраки, очевидно, воспринимались как самостоятельная этнографическая группа, относящаяся к самоедам, но отличная и от восточных соседей, т. е. энцев и нганасан, и, что важно, от западных, т. е. тундровых и лесных ненцев.

И. Г. Георги [1799, 4] пишет, что «Юряки» (*sic!*) живут «около вершины Оби, между Обью и Енисеем, начиная от Мангазеи», и указывает при этом на их многочисленность: «еще многолюднейшие» по сравнению с перечислявшимися ранее более западными самоедами.

В словаре «13 самодийских диалектов», собранном Г. Ф. Миллером во время Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) [см.: РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 513, д. 2], юрацкий язык фигурирует наряду с «пустозерским», «обдорским», «мангазейским», «туруханским», «тавгийским» и другими, т. е. как полноправный самодийский идиом; как показано в [Хелимский, 2000а], он действительно отличается и от ненецких, и от энецких диалектов, являясь переходным от первых ко вторым. Названный список остается единственным известным источником по языку юраков, не считая отдельных слов, разбросанных в других материалах Миллера [см., например: Mueller, 2003; Миллер, 2009].

Сто лет спустя М. А. Кастрен сообщает о тазовских юраках, что «их наречие весьма сходно с обдорским», а язык береговых юраков (в районе селения

Толстый Нос, в 8 км севернее нынешнего Караула, на правом берегу Енисея) «до малейших подробностей сходен с тазовским наречием, от обдорского же несколько уклоняется» [Кастрен, 2, 179, 188]. Отметим, что, говоря о европейских и западносибирских ненцах в первом и втором томах своих путевых записок, Кастрен в соответствии с традицией того времени называет их только «самоеды», никогда не употребляя слова *юраки*. Однако в «Самодийской грамматике» уже весь ненецкий язык называется «юрако-самоедским», и А. Шифнер в своем предисловии пишет, что в нем различаются пять основных диалектов: 1) канинский и тиманский; 2) ижемский; 3) большеземельский и обдорский; 4) кондинский, или казымский, и 5) юрацкий, — поясняя в примечании, что «юраки, давшие свое имя всей ветви, являются лишь одним родом»¹ [см.: Castrén, 1854, 6–7].

С учетом того что в общий юрако-самодийский язык объединены и тундровый, и лесной («казымский») ненецкий, утверждение Кастрена о близости языка юраков к обдорскому можно трактовать по-разному: теоретически эта близость могла быть того же порядка, что между тундровым и лесным ненецким. Однако в этнографическом отношении различие между юраками и более западными ненцами, по-видимому, уже не ощущалось. В начале XX в., судя по записям, сделанным в районе реки Таз Т. Лехтисало [Lehtisalo, 1956], юрацкого языка в том виде, в каком он был при Миллере, точно не существовало.

На основании имеющихся у нас данных историю юраков можно восстановить следующим образом. Вплоть до XVIII в. юраки составляли отдельную этнографическую и языковую группу, которая располагалась как минимум в районе реки Таз, а как максимум занимала всю обитаемую часть тундры между Обской губой и Енисеем. Таким образом, географически, как и лингвистически, юраки занимали промежуточное положение между ненцами и энцами. Постепенно они были вытеснены / ассимилированы тундровыми ненцами, однако название их сохранилось, и, по мере того как в языковом отношении население Таза и правобережья Енисея становилось похожим на западных соседей, имя *юраки* распространилось в обратном направлении, с востока на запад.

Этноним *юраки* принято связывать с хант. *järkan, jārən* ‘ненец, самоед’ и аналогичными мансийскими формами в сочетании с русским суффиксом *-ак* [см.: Najdú, 1948–1950, 19–32; Аникин, 2000, 717–718, s. v. *юрак*]. При этом формы без *k* характерны для северных и западных говоров хантыйского языка (иртышского, низямского, казымского), а также для большинства мансийских диалектов,

¹ «Die Juraken, die dem ganzen Zweige den Namen gegeben haben, sind nur ein einzelner Stamm, und ihren Namen glaubt Castrén mit Jugra, Jugrien in Verbindung bringen zu können». Фактически то же говорит А. Миддендорф: «На северо-западном главном наречии (самоедского языка. — В. Г.), кроме самоедов Европейской России, говорят обдорские и касымские самоеды да юраки, простирающиеся от левого берега Нижнего Енисея до речной области Нижнего Таза» [Миддендорф, 1878, 635]. Однако Миддендорф, насколько известно, лично сталкивался только с юраками и в плане сравнения их с остальными ненецкими диалектами, очевидно, опирался на сведения Кастрена.

а формы с *k/γ* — для восточных хантыйских говоров и для кондинского мансийского [см.: DEWOS, 405–407]².

Можно заметить, что сопоставление *юрак* с *järkan*, *järən* не вполне точно фонетически. Однако главным недостатком этой этимологии кажется то, что ханты соседствуют как раз с теми ненцами, которых принято было называть *самоедами*, — с европейскими и западносибирскими («На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоедь, зовомый Малгонзеи»³). В Западной Сибири *самоядь*ю назывались обдорские тундровые и казымские лесные ненцы, т. е. восточные и северные соседи хантов. Те, кого называли *юраками*, жили, как мы видели, еще восточнее: см., например, [Долгих, 1960, 68–77], где о юраках речь идет только применительно к району Таза и Пура, а также упомянутые выше карты Ремезова и его же обобщающую карту Сибири. При этом, как известно, русская колонизация междуречья Оби и Енисея проходила через Ямал и Тазовскую губу [Хелимский, 2000б, 352], т. е. в обход хантыйской территории. Удивительно, что хантыйский термин не применялся к соседям хантов, но был неожиданно «вспомнен» и использован на значительном расстоянии от них. Отметим еще, что в упомянутом труде Георги о самоедах сообщается, что «у Отяков называются они *Ерунхо*», при этом юраки называются «Юряками», т. е. по крайней мере к 1799 г. эти два этнонима не воспринимались как связанные.

В недавней работе [Амелина, 2020, 25] было указано на возможность связи *юрак* с ненецким тундровым словом *юрё* ‘приятель; товарищ в каком-либо деле (о человеке не ненецкой народности)’. Однако словообразовательная модель в данном случае кажется неясной.

С учетом сказанного нам кажется возможным предложить альтернативную этимологию.

Мы полагаем, что этноним *юрак* может происходить от формы, близкой к кетской форме мн. ч. *där'eŋ* ‘юраки’ и восходящей, в свою очередь, к корню **d'uk-* — тому же, который обозначает югов, а возможно, также юкагиров и другие группы, с разных сторон соседствовавшие с эвенкийской территорией. На наш взгляд, история этой формы прошла следующие этапы.

1. В кетском и югском языках для юраков / ненцев используются слова с корнем *däk-*, не имеющим иной этимологии [см.: Старостин, 1995, 221]. Числовые формы от него образуются по стандартной для этнонимов модели: ед. ч. со вторым элементом ‘человек’: *däk-ke'it* > *'dä-γit* и другие подобные формы по диалектам; мн. ч. со вторым элементом ‘люди’: *däk-de'ŋ* > *dä-deŋ*, *där'eŋ*, *däγidenŋ*, ср. *'där'eŋna* ³*qa:n*, *'dä-deŋna* ³*qa:n* ‘ненецкий язык’ [Там же], *där'eŋna kin's* ‘юрацкий вождь

² В [DEWOS, 405–407] отмечается русская форма *яран*, заимствованная из коми языка [Munkácsi, Kálmán, 1986, 176]. В. В. Напольских [2005, 252] вслед за Л. Шренком [Schrenk, 1854, 223–225] связывает этот корень с праперм. **jōgra*, из которого в конечном счете и рус. *Югра*.

³ «О человецех незнаемых на восточной стороне и о языцех розных» [цит. по: Титов, 1890, 3].

(князь) [Werner, 1, 54, 154] и т. д. Как видно, во мн. ч. кластер *-kd-* либо разбивается гласной, либо упрощается, а интервокальное *-d-* в севернокетских говорах закономерно переходит в *-r-* (перед передним гласным в *-r'* [см.: Старостин, 1982, 148]). Таким образом возникает приведенная выше севернокетская форма типа *dər'eŋ*.

«Большой словарь кетского языка» в словарной статье «Ненец» [БСКЯ, 158, s. v. *dəkid*] приводит только формы мн. ч. *dədəŋ* или *dɫʌrəŋ*, однако основа типа *dər'eŋ* встречается в других статьях — ср., например, *dɫr'jɛŋna* наряду с *dɫdɛŋna* 'ненецкий' (язык) [Там же, 279, s. v. *qa*].

Что касается начального согласного, то, как известно, кетский язык пережил отверждение (или переход из среднеязычных в переднеязычные) ПЕ **d'*, **t'* [см.: Старостин, 1982, 150–152]: таким образом, начальное *d-* в этом кетском корне может восходить к **d'*.

2. С другой стороны, известен ряд селькупско-кетских пар этнонимов типа кет. *Koneŋ* [Werner, 3, 30] 'один из кетских родов' (где *-eŋ* — очевидно, суффикс мн. ч.) — сельк. *kānəŋ* [Alatalo, 2004, 289], *qānniŋ*₃ ~ *qāniŋ*₃ [Хелимский ССл, s. v.], *Kənak* [Werner, 3, 30] 'селькупское обозначение кетов'; кет. *hamban* 'тунгусы, эвенки' [Там же, 28] — сельк. *rətraŋ*₃, *rottraŋ*₃, личное имя *Potrak* [Хелимский ССл, s. v. *pətraŋ*₃; Казакевич, Буднянская, 2010, 100, 104; Alatalo, 2004, 63]. Подобные соответствия можно объяснять как отражение кетского форманта мн. ч. *-ŋ* через селькупское чередующееся *-k/-ŋ/-Ø* (*ŋ*₃ в обозначениях [ОчСЯ, 142–143]), которое в изолированной позиции чаще реализуется как *-k* [Там же]⁴. Следовательно, можно ожидать, что кет. *dər'eŋ* могло отразиться в селькупском с ауслутом типа **-r'ak/ŋ*, **-rek/ŋ* (с возможным сохранением мягкости *r*).

3. Как уже было сказано, кетский корень *dək-* не имеет этимологии. С другой стороны, на этой территории известны этнонимы с корнем *d'uk-*, *d'ug-*. Это прежде всего *юги*, или «дюканы» XVII в., они же «дюгунь» и «ёхонь» [см.: Долгих, 1960, 184–185]; ср. также *дюкун* 'выдра; бобр; одна из групп елогуйских кетов' [Василевич, 1958, 140] (омонимия, на наш взгляд, случайна); елогуйские кеты — это не юги, которые жили южнее, но эвенкийский корень, очевидно, тот же.

Мы полагаем возможным возводить корень *dək-* 'юрак' к тому же самому *d'uk-* с депалатализацией *d'*, стандартной для собственно кетского языка. «Старо-севернокетская» форма мн. ч. должна была звучать как *d'ur'eŋ* (из **d'uk-de'ŋ*); ее незасвидетельствованный⁵ селькупский аналог типа *d'ur'ek*₃ или *d'ur'ak*₃ и послужил источником нган. *d'üriakə*, рус. *юрак* и — с депалатализацией *r* — эн. *d'urako* и рус. *юрак*. Палатализованный *r* перед *a* незнаком ни селькупскому, ни энецкому

⁴ В слове 'тунгусы' селькупский ауслут типа *-ŋ*₃, вероятно, отражает незасвидетельствованное кетское мн. ч. на *-ŋ* либо возник по аналогии с другими этнонимами — приведенными выше *kānəŋ* 'кет' или *küəluŋ* [Alatalo, 2004, 343], *qāliŋ*₃ [Хелимский ССл] 'эвенк; ненец'.

⁵ Изолированный пример из тымского диалекта *juwa* 'юрак', как справедливо полагает Я. Алалато, скорее всего, заимствован из русского [Alatalo, 2004, 246].

языку, поэтому утрата мягкости *r* могла произойти в любом из них; возможно, непосредственным источником рус. *юрак* стала как раз энецкая форма⁶.

Предложенная этимология ставит ряд проблем, однако в основном они, как кажется, преодолимы.

1. Варьирование *d'/j* широко распространено в рассматриваемом регионе, ср. хотя бы упомянутый выше этноним *юги* / *дюканы*. По-видимому, тунгусо-маньчжурские языки — единственные в этом ареале, которые различают *j* и *d'*; во всех соседних языках это варианты одной фонемы. Соответственно, варьированию *j* и *d'* не следует удивляться.

2. В югском, как и в кетском языке, в названии юраков представлен начальный *d-*: *daʃ-get*, *daʃ-d'ej* [Werner, 1, 54], в то время как этимологическое **d'* в югском должно было бы сохраниться как *d'*. Однако юги не имели контакта с юраками, поэтому югские формы вполне могли быть заимствованы от живших севернее кетов. Югское ²*duʃk* / ⁴*duʃ:k* 'юг, сымский кет' представляет тот же корень в другом значении, заимствованный напрямую.

3. По-видимому, наиболее трудным вопросом для предложенной этимологии является кет. *ə* (А) на месте предположительно исходного *и*. Это развитие, если оно имело место, остается неясным.

Предложенная этимология позволяет высказать ряд попутных соображений.

Во-первых, прошедшие через селькупское посредство этнонимы на *-ak* типа *кэнак* 'кет', *ротрак* 'тунгус' дают повод обратить внимание на другие схожие этнонимы данного региона, например *имбаки* и *земшаки*, для которых тоже можно предполагать кетское происхождение. Так, название реки *Имбак* (если исходная форма этого топонима *Имбак*, а не *Инбак*) может восходить к кет. *im-baŋ*, где второй элемент соответствует ²*baʃ* 'место' [см.: Werner, 1, 108], а первый элемент, к примеру, — слову ¹*it* 'кедровый орех' [Werner, 2, 70]. Это не исключает, впрочем, и влияния русской этнонимической модели на *-ак/-як*.

Во-вторых, нельзя исключать связи корня *d'uk-*, который эвенки использовали для обозначения некоторых своих енисейскоязычных соседей, с названиями других народов, с разных сторон соседствовавших с эвенками. Прежде всего это, конечно, *юкагиры*, а также *дючеры*. Название *юкагиры* уже давно принято связывать с эвенк. *d'ukə* 'лед'⁷: чужой как «человек с замороженным ртом», т. е. непонятно говорящий [см., например: Туголуков, 1979, 5]. Вне зависимости от связи этнонима *юкагиры* со «льдом» сходство их названия с *югами* и некоторыми другими этническими и родовыми группами — соседями эвенков, как кажется, заслуживает внимания.

⁶ Принято считать, что названия ненцев в энецком и нганасанском языках заимствованы из русского [Најдú, 1948–1950, 31; Напольских, 2005, 254]; на наш взгляд, это необязательно.

⁷ См., впрочем, другие возможности объяснения этнонима *юкагиры* в [Бурыкин, 2013, 420–426].

2. Нгамтусуо

Нгамтусуо (русская фамилия *Костеркины*) — один из пяти родов авамских нганасанов, наряду с Момде, Чунанчарами, Линанчарами (Турдагиными) и Нинонде (Порбиными). По данным Б. О. Долгих, каждый из этих родов восходит к одной из зафиксированных в русских документах XVII в. этнографических групп, при этом предками рода Нгамтусуо были *кураки*: «Потомками кураков XVII в. можно считать род Нгамтусуо (“щедрый”), члены которого с начала XIX в. имеют фамилию *Костеркин*. Само название “кураки” представляет энецкое *курэ*, *курэкэ*, что значит “ворон”. Нганасаны рода Нгамтусуо говорили нам, что их другое, старое название — *кулá*, что тоже значит “ворон” (по-нганасански)» [Долгих, 1952, 46–47]; «Энцы до сих пор помнят, что были люди *курэкэ*, и отождествляют их с нганасанами рода Нгамтусуо (Костеркиными). <...> Рассказывают также, что на урочище Бала на Пуре постоянно жили безоленные *кула* (кураки) <...> Энцы называют потомков кураков также *орок-тау*. Это название объяснять мы затрудняемся» [Долгих, 1960, 124–128]; «У нганасанов сохранились предания, что предки рода Нгамтусуо пришли на Пуру и вообще в бассейн Пясины с запада, из-за Енисея, с тазовской стороны. Некоторые нганасаны, потомки тавгов <...> даже считали, что Нгамтусуо — это род энцев маду. У ненцев есть предание, что они вытеснили каких-то манто, т. е. энцев маду, из тундр между Тазовской губой и Енисейским заливом, за восток, за Енисей» [Долгих, 1952, 46–47].

А. А. Попов [1984, 12] пишет родовое имя *Нгамтусуо* с гортанным смычным, т. е., очевидно, фонетически более точная форма этого имени — *Нгамтусу’о*. Его значение принято объяснять как «Щедрый», см. уже у Попова [Там же]. В недавно вышедшей научно-популярной книге «Из рода Нгамтусу’о» дается более конкретный перевод: «Человек, который отдал голодному свой последний кусок» [Аксенова, 2018, 12]. По-видимому, имеется в виду форма типа *нэм-тусиэ* с корнем *нэм-* ‘есть’, транзитивным суффиксом *-tu* и суффиксом прошедшего времени *-сиэ*. Однако представляется, что это поздняя интерпретация.

Во-первых, основа **нэмту-*, по крайней мере в наши дни, не засвидетельствована; каузатив от *нэм-* бывает только *нэмэбту-*. Во-вторых, суффикс прошедшего времени не имеет гортанного смычного. В-третьих, подобная модель не характерна для родовых имен данного ареала ни семантически, ни морфологически. Конечно, учитывая, что этимология большинства нганасанских родовых имен нам неизвестна, третий аргумент выглядит наименее убедительным, но в любом случае других аналогичных имен привести не удастся⁸.

С другой стороны, В. И. Васильев приводит собственные полевые данные о ненецкой фамилии *Немдазин*, которая происходит от слова *нямдоси*

⁸ Недавно появилась еще одна интерпретация этого имени: одна из семейно-родовых общин Таймыра взяла название *Нгамтусу’о* «Сообща вместе». Это единственный известный нам случай написания через *о*; судя по переводу, имя здесь интерпретируется через основу *нэм-* ‘соединить’.

‘безрогий’ — от *нямд* ‘рог’: «Так, по словам наших информаторов, фамилия *Немдазин* восходит к родовому названию *Нямдоси*. Как рассказывала nenka Дарья Ильинична Немдазина (пос. Белоярск, ЯНАО, 1971), прозвище *Нямдоси* будто бы возникло потому, что один из предков данного рода был очень скуп, никогда не забивал на мясо оленей и лишь весной позволял своим домашним обламывать у них молодые рога, которые затем варили и ели. Поэтому, объяснила она, “нас и зовут *Нямдоси*”, т. е. “безрогий”. А вообще-то наш еркар <род> Муд-Вануйта» [Васильев, 1979, 96]; «Судя по архивным материалам второй половины XVIII в., имя *Нямдоси* в данном роде было наследственным. В ясачных списках 1763 г. фигурирует Немдази Еронбиев 69 лет, а в четвертой ревизской переписи — его сын Аза Немдазин» [Там же].

Стоит отметить морфологическую архаичность каритивного суффикса *-си* в *нямдоси*. Среди ненецких родовых имен есть достаточно много таких, которые образованы по каритивной модели, однако все они являются морфологически причастиями от каритивных глаголов: *Нэвасяда* ‘Айваседа’ («Безголовый»), *Тусяда* ‘Тусяда’ («Не имеющий огня») и т. д. [НРС, s. v.]. Архаичность имени *Нямдоси* делает маловероятным то, что возведение к нему фамилии *Немдазин* — позднейшая народная этимология.

Имя *Нямдоси* очень напоминает *Нгамтусу’о*. Первая часть может быть точным морфологическим соответствием: *нямд* ~ *нямтэ* ‘рог’ (< ПС **ämtä* [SW, 20]). Вторая часть непосредственно из ненецкого не объясняется. С другой стороны, и предки *Нгамтусуо* были скорее энцами, чем ненцами, поскольку в XVII в. как восточный, так и западный берега Енисея были энецкими (а *Нгамтусуо* пришли оттуда раньше, судя по тому, что в начале XVII в. они уже были в районе озера Пясино). Данные по энецкой ономастике очень скудны, однако зафиксированы два мужских имени с похожей второй частью: *кусу’о* / *кусуо* и *тасу’о* [Хелимский ЭСл]. Первое из них может очень правдоподобно интерпретироваться как ‘безухий’ — от *куш* ‘ухо’.

Интерпретация второй части имени *Нгамтусуо* остается гипотетической (отметим еще палатализацию *ś* в энецком, которой нет в нганасанском). Тем не менее, мы полагаем вероятным, что пришедшие с юго-запада предки *Нгамтусуо* носили имя, похожее на **Nadośu’o* (от эн. *л nado* ‘рог’), которое означало «Безрогий». Нганасаны — их новые соседи — перевели первую часть имени, но вторая часть была непонятной и осталась непереуведенной. Другая часть того же рода продолжала жить на западной стороне Енисея, и их потомками являются нынешние ненцы *Нямдаси* / *Немдазины*.

Как именно звучало имя этого рода, зависит от того, на территории какого из энецко-ненецких диалектов жили его носители: если это был район Таза, то они могли говорить на лесном энецком, тундровом ненецком или юрацком. Не исключено и то, что территория этого рода пересекала диалектные границы: такая ситуация вполне типична.

Что касается значения имени *Нямдаси / Нгамтусуо*, то объяснение его через историю о безрогих оленях кажется маловероятным — прежде всего потому, что у ненцев хорошо известны родовые имена, происходящие от характеристик оленей, например *Нокайдэта* «Имеющий много оленей» и *Сэротэта* «Имеющий белых оленей» [НРС, s. v.] (в русском написании *Окотэта / Окотэтто* и *Сэротэта / Сэротэтто*). Их вторая часть *-тэта* является причастием от глагола, произведенного от корня *тэ-* ‘олень’. Род, имеющий безрогих оленей, мог бы носить имя типа **Нямдасидэта*, но вряд ли просто *Нямдаси*.

Объяснение, скорее всего, проще. «Безрогими» / «комолыми» в этом регионе звались те, кто не носил султан на головном уборе. Б. О. Долгих [1970, 171–172] пишет о двух подразделениях энецкого рода Масодай — *Онэй-сомату* «Настоящие сомату» и *Молк-сомату* «Комолые сомату»: «Поскольку Молк-сомату перешли на ненецкую одежду, в которой сокуи не имеют султана (нака, или нока) над лбом, и образовалось их название “комолые”». По-видимому, таково же происхождение и родового имени *Нямдаси*.

Разумеется, не следует полагать, что кураки и *Нямдаси / Нгамтусуо* полностью тождественны. Скорее всего, их отождествление произошло позже — после того, как члены рода *Нгамтусуо* составили значительную часть переселенцев с Таза на Таймыр.

Название *кураков*, как и предполагал Долгих, разумеется, связано со словом для обозначения ворона, однако и само это слово в данном регионе является бродячим, ср. ПС **kuləjə* [SW, 77], ПЕ **kila* ‘ворона (неперелетная)’ [Старостин, 1995, 239], но также эвенк. *килан-* ‘каркать; пронзительно кричать’ и др.

3. Эн. *о́са*, нган. *а́са* ‘долганин; эвенк’

В энецком и нганасанском языках для долган и эвенков употребляется один и тот же этноним: эн. Т, Л *о́са*; нган. *а́са*, косвенная основа *ad'a*⁹. М. А. Кастрен предлагал сопоставлять это слово с нган. *ηad'a* ‘младший брат’, К. М. Рычков — с эвенк. *ая* ‘хороший’. Б. О. Долгих, отмечая невозможность упомянутых двух этимологий, предлагал видеть в *а́са / ad'a* название рода *Эдян* (он же *Адян, Азян* и т. д.) [Долгих, 1952, 71]. Однако последнее предложение наталкивается на ту же проблему, что и два предыдущих: интервокальный *j/d'* хорошо соответствует нганасанской косвенной основе, но не должен чередоваться с *ś* в номинативе и по той же причине не объясняет энецкую форму. Если для нганасанского еще можно предполагать появление *ś* по аналогии (хотя в большом количестве других основ *j* и *d'* не чередуются, как, например, в том же *ηad'a*), то в энецком появление *ś* выглядит совсем необъяснимым.

⁹ Впрочем, враги-эвенки в отличие от дружественных долган часто называются «шитолицыми»: эн. *седо радоо*, нган. *һорə со́йтэə*.

Очевидно также, что эн. *ośa* и нган. *aśa* не могут быть этимологическими когнатами из-за нетривиальных соответствий обоих гласных; скорее всего, речь идет о параллельном заимствовании.

Насколько нам известно, до сих пор никто не предлагал связывать *ośa* / *aśa* с этнонимом *Oсеи* из наказа «стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену...» 6 августа 1638 г.: «А по обе стороны великие реки Лены и до устья полунощного окуяна Якуты, Тунгусы, Маяды, Нанагири, Кояты, Каригили и иные многие кочевые и сидячие люди. Да в тое же де великую реку Лену ниже Вилойского устья впали с обе стороны многие великие реки, а по тем рекам живут Осеи, Тунгусы, Шамагири, Баяхты и иные многие люди, а соболей и всякого зверья и рыбы по тем по всем рекам много же...» [РИБ, 2, стлб. 963].

Осеи, вероятно, — один из эвенкийских родов наряду с Самагирами, Баягирами и другими, упомянутыми в том же документе. В. А. Туголуков [2012, 193–194] отождествляет их с осекуями на Вилуюе и более поздними ошикирами на Нижней Тунгуске.

Нам неизвестна точная форма этнонима *осеи*, однако кажется, что он вполне точно соответствует и энецкой, и нганасанской формам. В нганасанском начальное *a-* может объясняться невозможностью анлаутного *o-* в этом языке; согласный *ś* в открытом слоге закономерно чередуется с *j/d'* в закрытом, отсюда косвенная основа *ad'a-*. Что касается *a* во втором слоге, то, во всяком случае в нганасанском, после палатального *ś* это единственный возможный из открытых гласных (т. е. форма типа **aśe* была бы невозможна). С другой стороны, нельзя исключать и того, что *осеи* могли на самом деле быть *осеями*.

Учитывая, что и русский этноним *долган* восходит к имени эвенкийского рода (упомянутого, в частности, в том же «Наказе»), аналогичное происхождение энецкого и нганасанского этнонима не должно вызывать удивления.

4. Кет. *Dy̆ingden* ‘тазовские самоеды’ у Миллера

Г. Ф. Миллер приводит кетский этноним *Dy̆ingden* ‘самоеды на Тазу’, под которым могут иметься в виду либо юраки, либо лесные энцы [см.: Хелимский, 2005, 38]. Вторая часть, *-den*, — это, без сомнения, кет. *dĕŋ* ‘люди’, стандартный формант мн. ч. этнонимов. Первая же часть может быть связана с *dĕŋ*, *déŋŋ'ij*, мн. ч. от *²dĕŋ* ‘озеро; море’ [Werner, 1, 22]; ср. также *déŋŋ'ij* (кет., юг.) ‘заболоченная местность’, букв. «озера» [Там же, 24]. Если предположить, что *dy̆ing* — это либо *dĕŋ*, либо неточно записанное *déŋŋ'ij*, то номинация тазовских самодийцев как «людей озер» (т. е. тундры) либо как «людей моря» (т. е. Тазовской губы, которая воспринималась как море¹⁰) со стороны кетов кажется вполне естественной.

¹⁰ Ср.: «Мангазинское море студеное, от которого моря Мангазейского город Мангазея нарицается», «до моря-океана Мангазейского» [Титов, 1890, 61, 62] и др.

5. Еще раз о тунгусах

Согласно наиболее принятой на данный момент этимологии [см.: Helimski, Janhunen, 1990], русское и интернациональное слово *тунгус* происходит из нен. *Tunjo*[?], мн. ч. *tungos*-[?]. Напомним здесь эту этимологию. Более ранняя форма ненецкого слова (до ассимиляции гласных в соседних слогах) засвидетельствована в нен. *Л tinjos*, мн. ч. *tinjos*-[?] и является заимствованием из сельк. *tin qur*, при этом в ненецком слово перешло из практически отсутствующего типа основ на *-p* в лучше представленный тип на *-s*. Селькупское слово в современном языке означает ‘татарин’, букв. «человек *ты*» (*tin* — генитив от *tj*); этноним *tj*, в свою очередь, заимствован из среднекетских форм типа *'də·yet*, мн. ч. *'də·deŋ* ‘ненец, юрак’ [Werner, 1, 49, s. v. *dŋgit*], где вторая часть означает, соответственно, ‘человек’ и ‘люди’, а первая представляет собой тот же корень **dək-*, о котором шла речь в первом разделе статьи¹¹. Селькупский этноним *tj*, таким образом, использовался — вероятно, в разных районах — для обозначения разных «чужаков»: эвенков и тюрков, а ранее, возможно, также ненцев и энцев; такая полисемия вполне характерна для этнонимов.

Есть и некоторые другие возможности объяснения первой части селькупского композита *tin* (или *tjŋ*) *qur*. Так, можно вспомнить упоминавшееся кетское название юраков *Dying deng* у Миллера. Форма типа *dŋŋ* сама по себе могла бы послужить источником сельк. *tjŋ* в **tjŋ qur*.

Вероятно, стоит упомянуть также кет. *dēŋŋəs* ‘убийца’ из *²dē ŋ-³qɔ:-s* (‘люди’ + ‘убить’ + номинализатор); исходная форма фонетически почти идеально подходит на роль источника нен. *Л tinjos*. Однако, несмотря на то, что кетский фольклор полон описаний кровопролитных стычек с эвенками, семантически такое допущение кажется все-таки слишком сильным.

Кажется, можно предложить более надежную этимологию для реконструируемого селькупского сочетания **tin qur* (или **tjŋ qur*?) в значении ‘эвенк’. Одно из кетских наименований эвенков — это *tis'deŋ* ‘люди камня’ [Werner, 3, 110] — от *²tɨ³s* ‘камень’. Очевидно, это название отсылает к эвенкам как жителям правого, высокого и каменистого, берега Енисея в противоположность низкому и заболоченному левому¹². Аналогичное название правобережных эвенков засвидетельствовано в северном селькупском: *pül'retraŋ*₃ ~ *rottraŋ*₃ ‘эвенк с правобережья Енисея, эвенк подкаменно-тунгусской группировки’ от *pü* ‘камень’ [Хелимский ССл]. Обозначение всего, что относится к правому берегу Енисея, эпитетом «каменный» широко распространено, ср. *каменная белка* ‘белка с черноватым

¹¹ Авторы цитируемой статьи отмечают иронию данной этимологии, в соответствии с которой ненцы называют эвенков тем словом, которое исходно обозначало их самих.

¹² Г. Вернер добавляет: «vielleicht weil sie meist das steinige Ostufer des Jenissej bewohnten (?), aber dann wäre eher *tŋdeŋ* zu erwarten» <возможно, потому, что они жили на каменистом восточном берегу Енисея (?), но в этом случае следовало бы ожидать скорее *tŋdeŋ*>.

хвостом, живущая на правом берегу Енисея' [СРНГ, 13, 21] (см. этот и другие примеры в [Аникин, 2000, 245 и сл.]).

Множественное число от ${}^2t\dot{i}s'$ будет ${}^2t\dot{a}\dot{h}$ [Werner, 3, 110]. На возможность множественного числа в этом композите указывает в приведенной выше цитате и Г. Вернер. Мы полагаем, что ${}^2t\dot{a}\dot{h}$ 'камни, горы' в незасвидетельствованном *tmdeŋ* 'эвенки' = «люди гор» — наиболее вероятный кандидат на роль этимона первой части сельк. **tjn / tij qur*.

Источники

- БСКЯ — Большой словарь кетского языка = Comprehensive dictionary of Ket / под ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. München : LINCOM, 2015.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- [Георги И. Г.] Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей : в 4 ч. Ч. 3 : О народах семейдских, манджурских и восточных сибирских, как и о шаманском законе. СПб. : И. Глазунов, 1799.
- Казакевич О. А., Буднянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург : Баско, 2010.
- Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Мандрики, 1999.
- [Миддендорф А. Ф.] Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2 : Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6 : Коренные жители Сибири. СПб. : Изд-во Импер. акад. наук, 1878.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009.
- НРС — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1965.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. [М. : б. и.], 1701.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Титов А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. : Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890.
- Хелимский ССл — Хелимский Е. А. Северноселькупский словарь. Рукопись.
- Хелимский ЭСл — Хелимский Е. А. Энецкий словарь. Рукопись.
- Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.
- Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.
- Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.

Исследования

- Аксенова Л. К. Шаманы из рода Нгамтусу // Аксенова Л. К., Кудрякова С. М. Из рода Нгамтусу'о. Дудинка : Таймырский дом народного творчества, 2018.
- Амелина М. К. От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык: лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея (XX — нач. XXI в.). DOI 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48 // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 7–48.

- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Новосибирск : Наука, 2000.
- Бурыкин А. А.* Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб. : Петербургское востоковедение, 2013.
- Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М. : Наука, 1979.
- Долгих Б. О.* Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Потапов, М. Г. Левин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 5–87.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
- Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М. : Наука, 1970.
- Напольских В. В.* Йёгра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 240–268.
- ОчСЯ — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушикина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М. : Изд-во МГУ, 1980.
- Попов А. А.* Нганасаны: социальное устройство и верования. Л. : Наука, 1984.
- Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика / отв. ред. Е. А. Алексеенко. Л. : Наука, 1982. С. 144–237.
- Старостин С. А.* Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник: Лингвистика / под ред. Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского. М. : Наука, 1995. С. 176–315.
- Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М. : Наука, 1979.
- Туголуков В. А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. 2-е изд. М. : Наука, 2012.
- Хелимский Е. А.* Об одном переходном северосамодийском диалекте // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика : лекции и статьи. М. : Языки русской культуры, 2000а. С. 50–55.
- Хелимский Е. А.* Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика : лекции и статьи. М. : Языки русской культуры, 2000б. С. 351–352.
- Хелимский Е. А.* Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. von E. Helinski. Hamburg : Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2005. S. 19–40.
- Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St Petersburg : Kaiserliche Akad. der Wissenschaften, 1854.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin : Akademie Verl., 1966–1989.
- Hajdú P.* Die Benennungen der Samojuden // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1948–1950. № 54. P. 1–112.
- Helinski E., Janhunen J.* Once more on the ethnonym “Tungus” // Specimina Sibirica — 3: Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén / Red. J. Pusztay. Pécs : Pécsi Tudományegyetem, 1990. P. 67–71.
- Mueller G. F.* Nachrichten über Völker Sibiriens. Hamburg : Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2003.
- Schrenk A.* Reise nach dem Nord-Osten des europäischen Rußlands zum arktischen Ural-Gebirge. T. 2. Dorpat : H. Laakmann, 1854.
- SW — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977.
- Werner H.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Bd. 1–3. Wiesbaden : Harrasowitz, 2002.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

кет.	кетский язык	сельк.	селькупский язык
нган.	нганасанский язык	хант.	хантыйский язык
нен. Л	лесной ненецкий язык	эвенк.	эвенкийский язык
нен. Т	тундровый ненецкий язык	эн.	энецкий язык
ПЕ	праисейский язык	эн. Л	лесной энецкий язык
праперм.	прапермский язык	эн. Т	тундровый энецкий язык
ПС	прасамодийский язык	юг.	югский язык

* * *

Гусев Валентин Юрьевич

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1,
стр. 1
E-mail: vgoussev@yandex.ru

Gusev, Valentin Yurievich

PhD, Senior Research Fellow
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences
1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 1125009
Moscow, Russia
Email: vgoussev@yandex.ru

Valentin Yu. Gusev

Institute of Linguistics of the RAS
Moscow, Russia

**ETYMOLOGICAL NOTES ON THE ETHNONYMY
OF THE LOWER YENISEI**

The article discusses the etymology of several ethnonyms and tribal names of the peoples of the Taimyr Peninsula and the Lower Yenisei region. It searches for the origin of the ethnonym *Yuraki* which is presently used as the name and self-name of the East (Taimyr) Nenets and previously (before the 17th century) referred to a separate Samoyedic ethnolinguistic group. The probable source is a proto-Ket plural form **d'ər'ey* with the same meaning that passed through the Selkup mediation and ultimately overlapped with the same Evenki root *d'uk-* which serves to denote the Yughs. The article also summarizes the existing evidence on the history of the Yuraks as a separate people. The author hypothesizes for the similar (from Ket through Selkup) origin of such ethnonyms and hydronyms as *zemshaki*, *imbaki*, *Imbak* river. The Ket (in G. F. Müller's notes) ethnonym *Dýingden* 'Samoyeds of the Taz' receives a possible explanation as "people of lakes (= tundra)" or "people of the sea". The Nganasan clan name *Ngamtus'o* is attributed to the Nenets clan name *Nyamdasi* / *Nemdaziny* 'Hornless,' premised on the legend about the ancestors of the *Ngamtusu'o* arriving from the Taz river. The meaning 'hornless' might be related to other generic names of this region and thus explained as "not having a sultan on the hood". The Nganasan and Enets words *aśa*, *ośa*, denoting the Dolgans,

probably go back to the mention of the Evenki clan name *Osei* attested in Russian sources. Finally, the paper offers an improved etymology of the ethnonym *Tungus*, the first part of which can be interpreted as the Ket root meaning ‘stone,’ that refers to the Tungus (Evenki) as residents of the right (high, mountainous) bank of the Yenisei.

К е у о р д с: Lower Yenisei, Taimyr, Samoyedic languages, Evenki language, Ket language, ethnonymy, etymology.

- Aksenova, L. K., & Kudriakova, S. M. (2018). *Iz roda Ngamtusu' o* [From the Ngamtusu' o Clan]. Dudinka: Taimyrskii dom narodnogo tvorchestva.
- Amelina, M. K. (2020). Ot mnogoiazychiia k “bol'shomu perekhodu” na tundrovyi nenetskii iazyk: lingvisticheskie ideologii i dinamika iazykovogo sdviga v Tukhardskoi tundre i na sopredel'nykh territoriakh v nizov'iax Eniseia (XX — nach. XXI v.) [From Multilingualism to the “Big Transition” to the Tundra Nenets Language: Linguistic Ideologies and the Dynamics of the Language Shift in the Tukhard Tundra and Adjacent Territories of the Lower Yenisei (20th — early 21st Centuries)]. *Uralo-altaiskie issledovaniia*, 36(1), 7–48. <http://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48>
- Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [The Etymological Dictionary of the Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altaic and Paleo-Asiatic Languages] (2nd ed.). Moscow; Novosibirsk: Nauka.
- Burykin, A. A. (2013). *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik: Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper Names as a Historical Source: Based on Russian Documents on the Discovery and Development of Siberia and the Far East of Russia of the 17th — 20th Centuries]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Castrén, M. A. (1854). *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Dolgikh, B. O. (1952). Proiskhozhdenie nganasanov [The Origin of the Nganasans]. In L. P. Potapov, & M. G. Levin (Eds.), *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographic Collection] (Vol. 1, pp. 5–87). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Dolgikh, B. O. (1960). *Rodovoi i plemnoi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Families and Tribes of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Dolgikh, B. O. (1970). *Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev* [Essays on the Ethnic History of the Nenets and Enets]. Moscow: Nauka.
- Hajdú, P. (1948–1950). Die Benennungen der Samojuden. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 54, 1–112.
- Helimski, E., & Janhunen, J. (1990). Once More on the Ethnonym “Tungus”. In J. Puszta (Ed.), *Specimina Sibirica — 3: Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén* (pp. 67–71). Pécs: Pécsi Tudományegyetem.
- Janhunen, J. (1977). *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Helimski, E. A. (2005). Etonimiia sibirskikh i ural'skikh narodov v rukopisnom nasledii Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii [The Ethnonymy of Siberian and Uralic Peoples in the Manuscript Heritage of the Second Kamchatka Expedition]. In E. Helimski (Ed.), *G. F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov* [G. F. Müller and the Study of the Uralic Peoples] (pp. 19–40). Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg.
- Helimski, E. A. (2000). *Komparativistika, uralistika: leksii i stat'i* [Comparative Studies, Uralistics: Lectures and Papers]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Kuznetsova, A. I., Helimski, E. A., & Grushkina, E. V. (1980). *Ocherki po sel'kupskomu iazyku: Tazovskii dialekt* [Essays on the Selkup Language: The Taz Dialect]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Müller, G. F. (2003). *Nachrichten über Völker Sibiriens*. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg.

- Napolskikh, V. V. (2005). Iögra (Rannie obsko-ugorsko-permskie kontakty i etnonimiia) [Iögra (Early Ob-Ugric-Permic Contacts and Ethnonymy)]. *Antropologicheskii forum*, 3, 240–268.
- Popov, A. A. (1984). *Nganasany: sotsial'noe ustroistvo i verovaniia* [Nganasans: Social Structure and Beliefs]. Leningrad: Nauka.
- Schrenk, A. (1854). *Reise nach dem Nord-Osten des europäischen Rußlands zum arktischen Ural-Gebirge* (Vol. 2). Dorpat: H. Laakmann.
- Starostin, S. A. (1982). Praeniseiskaia rekonstruktsiia i vneshnie sviazi eniseiskikh iazykov [Proto-Yenisei Reconstruction and External Relations of the Yenisei Languages]. In E. A. Alekseenko (Ed.), *Ketskii sbornik: Antropologiia, etnografiia, mifologiia, lingvistika* [The Ket Collection: Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics] (pp. 144–237). Leningrad: Nauka.
- Starostin, S. A. (1995). Sravnitel'nyi slovar' eniseiskikh iazykov [A Comparative Dictionary of the Yenisei Languages]. In V. V. Ivanov, V. N. Toporov, & B. A. Uspenskii (Eds.), *Ketskii sbornik: Lingvistika* [The Ket Collection: Linguistics] (pp. 176–315). Moscow: Nauka.
- Steinitz, W. (1966–1989). *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag.
- Tugolukov, V. A. (1979). *Kto vy, iukagiry?* [Yukagirs, Who Are You?] Moscow: Nauka.
- Tugolukov, V. A. (2012). *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tungus (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia] (2nd ed.). Moscow: Nauka.
- Vasilyev, V. I. (1979). *Problemy formirovaniia severosamodiiskikh narodnostei* [The Problems of the Formation of the North Samoyedic Peoples]. Moscow: Nauka.
- Werner, H. (2002). *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen* (Vols. 1–3). Wiesbaden: Harrasowitz.

Received on 15 September 2019